

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД С ГЕНЕРАЛОМ.

— ТВОЙ РЕБЕНОК —
ТВОИ ПРОБЛЕМЫ

Виолетта Весна

Развод с генералом. Твой ребенок — твои проблемы

<https://litres.ru/74611259>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Твой ребенок — твои проблемы, Надя.

Я всего лишь попросила мужа дважды в неделю забирать нашу дочь из садика. Хотела вернуться на работу. А он в это время собирал чемодан к любовнице.

Генерал Воронов привык все решать сам. После одиннадцати лет брака мне досталось узнать его решение последней. Он уже выбрал другую женщину и подсчитал, какую часть нашей общей жизни готов мне оставить.

Мне тридцать шесть. У меня четырехлетняя дочь, пятилетний перерыв в работе и развод, в котором муж по-прежнему собирается командовать.

Только я больше не хочу спрашивать у него разрешения.

Я возвращаюсь к работе. Учусь спорить. И все чаще задерживаюсь на лестничной площадке, когда встречаю соседа сверху. С ним мне вдруг снова хочется смеяться, наряжаться и ходить на свидания.

Но едва в моей жизни появляется другой мужчина, бывший муж решает вернуть семью.

Он уверен, что я все еще мечтаю об этом.

Содержание

Глава 1. Твой ребенок	5
Глава 2. На что я имею право	33
Глава 3. Этажом выше	54
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виолетта Весна

Развод с генералом. Твой ребенок — твои проблемы

Глава 1. Твой ребенок

Саша складывал рубашки в дорожную сумку, а я рассказывала ему, как собираюсь выходить на работу.

— На первое время можно договориться до четырех. Потом посмотрим. Если ты хотя бы два раза в неделю будешь забирать Тасю...

— Не буду, Надя.

Я остановилась в дверях спальни. У меня в руках был кухонный таймер. Я как раз вынула из духовки противень, выключила таймер и зачем-то понесла его с собой.

— Почему?

Саша разгладил ладонью сложенный рукав. Рубашка была светло-голубая, новая. Я забрала ее из химчистки утром и повесила отдельно, чтобы не помять.

— Потому что я ухожу.

— В командировку?

Он поднял на меня глаза.

Надо было сразу положить этот дурацкий таймер. Или

сесть. Но я осталась стоять у двери, все еще ожидая ответа про поездку. В прошлом месяце он уезжал на три дня, до этого — на неделю. На нынешней работе командировки случались реже, чем на службе, но я по-прежнему привыкла узнавать о них по открытой сумке.

— От тебя, Надя. Я ухожу от тебя.

Из кухни донесся короткий треск остывающего противня. Там были кабачки с сыром, которые Саша любил горячими. Я выключила духовку раньше времени, чтобы не пересушить.

— Что значит — от меня?

— У меня другая женщина.

Он сказал это негромко, без заминки. Я смотрела на его лицо и пыталась заметить хоть что-нибудь, за что можно было зацепиться: злость, обиду, растерянность. Саша выглядел собранным. Так он обычно начинал неприятные разговоры, которые собирался быстро закончить.

— Кто?

— Алина Баженова.

Фамилию я знала. Не сразу вспомнила откуда, и эти несколько секунд зачем-то рассматривала его руки. Короткие ногти. Небольшой шрам у большого пальца. Обручальное кольцо на месте.

Потом вспомнила.

В мае, на юбилее предприятия, Алина подводила нас к столу. Молодая женщина в сером платье, с красивыми клю-

чицами и темным бейджем на цепочке. Она попросила меня немного подождать, пока Саша поговорит с фотографом. Принесла бокал воды, когда я отказалась от вина. Еще сказала, что слышала о нашей дочери.

— Та, которая проводила ваш юбилей?

— Она занимается мероприятиями. Да.

— И ты к ней сейчас едешь?

— Да.

Я кивнула, хотя соглашаться было не с чем. Пальцем нажала на кнопку таймера. На маленьком экране зажглись нули.

— А Тася?

— Что Тася?

— Что мы будем делать с Тасей?

Он выдохнул через нос и отвернулся к сумке.

— Дочь остается с тобой. Деньги я буду давать. Здесь ничего не изменится.

— Ты сейчас серьезно?

— Совершенно.

— Я тебе только что сказала про работу. Ее нужно записать, Саша. С ней нужно бывать. Ты ей вчера обещал...

— Надя, не надо сразу составлять мне расписание.

— Это не расписание. Это твой ребенок.

Он бросил в сумку свернутый ремень. Пряжка стукнула о металлическую застежку.

— Ты хотела вернуться на работу? Возвращайся. Но не

рассчитывай, что я теперь буду подстраивать все под твои часы. Ты сама решила этим заняться.

— Сама? Мы вместе решили, что я посижу дома. Ты говорил, что до сада, потом — до четырех лет. Ей скоро пять. Когда мне еще?

— Я не запрещаю тебе работать.

— Тогда помоги мне понять, как мы будем...

— Твой ребенок — твои проблемы, Надя. Я буду обеспечивать. Остальное организуй сама.

Он наконец посмотрел прямо на меня.

Таймер выскользнул из пальцев и ударился о пол. Крышка батарейного отсека отлетела к ножке кровати. Я присела, нашарила ее и только потом поняла, что у меня не получается попасть пластиковыми выступами в пазы.

— Дай сюда, — сказал Саша.

Я отодвинула руку.

Он постоял надо мной, потом вернулся к шкафу.

Мне было нужно спросить, когда наша дочь стала только моей. Еще хотелось напомнить, как он первым услышал ее сердцебиение, потому что я лежала, отвернувшись от экрана, и боялась смотреть. Саша тогда сжал мою ладонь и не выпускал, пока врач не закончил объяснять, куда именно нам нужно смотреть.

Но сейчас я боялась услышать, что и это помнила неправильно.

Крышка наконец встала на место. Я положила таймер на

комод и села на край кровати. Подо мной натянулось покрывало, на котором стояла его сумка.

— Давно?

— Что давно?

— Не делай так, пожалуйста. Ты понял вопрос.

Саша взял с полки футляр для очков, открыл, проверил и снова закрыл.

— Месяцев девять.

Я прижала ладони к коленям. Девять месяцев никак не укладывались в сегодняшний вечер. За это время мы успели отметить Тасин день рождения, съездить к моим родителям, поругаться из-за ремонта машины и помириться, выбирая дочери велосипед. Я пыталась вспомнить, в какой именно момент должен был измениться его голос, чтобы я заметила.

— На том юбилее вы уже были вместе?

— Да.

— И она приносила мне воду.

Он промолчал.

На празднике я еще подумала, какая внимательная девушка. У стола сквозило, и Алина сама предложила пересадить меня подальше от кондиционера. Я сказала спасибо. Саша сидел рядом и обсуждал с соседом дорогу на дачу.

Мне стало так стыдно, будто это я сделала что-то непристойное у всех на виду.

— Кто знал?

— Какая разница?

— Мне есть разница.

— Я не составлял список посвященных.

Он уже раздражался. До этого я не дала ему ни одного повода повысить голос, и, кажется, он рассчитывал, что разговор так и останется аккуратным.

— Ты приводил ее сюда?

— Нет.

— Когда нас с Тасей не было?

— Я сказал: нет.

Я посмотрела на постель. Хотелось поверить хотя бы в это. Потом стало противно от того, что я все еще искала небольшой участок, где он не успел меня обмануть.

Саша присел на другой край кровати, оставив сумку между нами.

— Послушай. Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Но это не возникло на пустом месте. Мы давно живем каждый своей жизнью.

Я подняла голову.

— Ты вчера спрашивал, что купить домой.

— Надя...

— Молоко, хлеб, кофе. Ты позвонил и спросил. Я сказала, что хлеб есть, а кофе заканчивается. Ты привез. Мы поужинали. Ты показал Тасе какую-то собаку в телефоне. Это была уже отдельная жизнь?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Нет. Объясни мне.

Он потер лоб. Обычно после этого я снижала голос, потому что у него начинала болеть голова. Сейчас я заметила этот жест и разозлилась еще сильнее.

— Мы почти не разговариваем, — сказал он. — Ты занята ребенком, домом. Я прихожу, и на меня вываливается, что нужно купить, кто что сказал в саду, куда надо ехать в выходные. В какой-то момент я понял, что не хочу возвращаться.

— И решил ничего мне не говорить?

— Я пытался.

— Когда?

— Не собираюсь сейчас восстанавливать каждый разговор за последний год.

— А мне придется.

Он посмотрел на часы. Быстро, почти незаметно. Если бы я не знала его одиннадцать лет, могла бы не обратить внимания.

— Тебя ждут?

— У нас еще будет время все обсудить.

Я встала и отошла к окну. На стекле, на уровне Тасиного лица, остался мутный полукруг. Она дышала на него утром, пока я искала в шкафу ее кофту. Ей хотелось нарисовать домик, но стекло было теплым и почти не запотевало.

— Ты ведь специально спросил вчера, будет ли она у Оли, — сказала я.

За спиной было тихо.

— Специально?

— Такие разговоры при ребенке не ведут.

Я обернулась.

Он знал, что сегодня я поведу Тасю к подруге после сада. Мы с Ольгой договорились еще во вторник: дети поиграют пару часов, а я спокойно поговорю с мужем про работу. Впервые за долгое время я заранее попросила оставить вечер свободным для меня.

Саша оставил.

— Ты мог сказать мне утром. Мог вчера. Ты видел, как я сегодня...

Я запнулась. Не хотелось говорить про кабачки, чистую рубашку и то, как дважды переписала список вопросов, чтобы не показалось, будто я требую слишком много. Все это звучало мелко рядом с его девятью месяцами.

— Я и говорю тебе сейчас, — ответил он.

— Ты собираешь вещи.

— Решение уже принято.

Он произнес это чуть тверже, чем остальное. Я знала эту интонацию. С ней подчиненные переставали предлагать варианты, а знакомые на застольях меняли тему. Генерал-майор Воронов уже три года не служил, но привычка заканчивать разговор таким способом осталась. Теперь он руководил безопасностью промышленной компании; в шкафу вместо формы висели костюмы. В сорок девять лет у него хватало сил начать новую жизнь. Я только не знала, что в ней

мне уже не нашлось места.

Только я не понимала, как это должно было сработать со мной. Мне тоже полагалось встать, забрать свою чашку и не мешать?

Саша застегнул сумку и потянул ее с кровати. Нижний ремень зацепился за покрывало. Я машинально придержала край, чтобы он не стянул его на пол.

Мы оба заметили мое движение.

Я отпустила ткань.

— Уходи.

— Надя, давай договоримся хотя бы о ближайших днях.

— Ты же все решил. Иди.

Он поставил сумку у двери и подошел ко мне.

— Не нужно делать хуже. Я не оставляю вас без денег и не выгоняю из квартиры. Мы взрослые люди. Постарайся...

— Не говори мне сейчас, как постараться.

Мой голос сорвался так резко, что я сама вздрогнула. Он остановился.

— Хорошо.

Я думала, после этого он возьмет сумку. Но Саша потянулся к моему плечу, и я отступила, ударившись бедром об угол комода.

— Не надо.

Он убрал руку.

Мне очень хотелось, чтобы он сказал что-нибудь, после чего я могла бы его задержать. Не вернуть все обратно —

я еще не понимала, как это возможно. Просто не оставаться одной в комнате, где только что перестала понимать собственную жизнь.

Вместо этого он спросил:

— Остальное когда можно забрать?

Я прижала ладонь к ушибленному месту.

— На следующей неделе договоримся. Не приезжай неожиданно. И Тасе...

На имени дочери у меня перехватило голос.

— Что Тасе?

— Не говори ей ничего сам. Сначала обсудим, что сказать.

— Конечно. Я не собираюсь ее травмировать.

Я отвернулась, потому что еще секунду — и начала бы кричать.

Он постоял рядом. Потом поднял сумку.

В прихожей зашуршала куртка, звякнули ключи. Саша обычно звал меня, если собирался уходить и я была в другой комнате. Иногда просто для того, чтобы поцеловать у двери. Сейчас я слушала и ненавидела себя за то, что ждала своего имени.

— Я позвоню завтра, — сказал он.

Я не ответила.

Дверь закрылась. Через несколько секунд за стеной пошел вниз лифт.

Я оставалась у комода, пока не погас свет в коридоре. Сработал датчик, который Саша поставил зимой, потому что Та-

ся забывала нажимать на выключатель.

В квартире все еще пахло ужином.

Я пошла на кухню, открыла шкафчик и достала контейнер. Кабачки успели остыть, сыр пристал к краям формы. Первые два ломтика я переложила лопаткой, потом поставила контейнер рядом и села.

На столе лежал лист с моими записями. «Работа» было написано вверху, а дальше шли часы, вопросы, фамилия Светланы и название программы, которую нужно было обновить. Внизу я приписала: «Обсудить спокойно».

Я закрыла лист ладонью.

Телефон завибрировал, и я схватила его так быстро, что задела локтем стакан. Вода потекла под тарелку.

Писала Ольга.

«Мы сели ужинать. Тасю покормить? Ты к семи успеешь?»

Было без десяти.

Я вытащила несколько салфеток, бросила в лужицу и набрала: «Да. Я иду».

Стерла последнее слово. Написала: «Скоро буду».

Потом позвонила.

— Она макароны будет? — спросила Ольга вместо приветствия. — А то соус забраковала. Говорит, у тебя другой.

Я открыла рот, но ничего не сказала.

— Надь?

С кухни у Ольги доносились голоса детей. Дима что-то

объяснял Тасе, она возражала. У них шла обычная жизнь, и от этого почему-то стало хуже, чем в пустой квартире.

— Саша ушел, — выговорила я.

— Куда?

— К другой женщине.

Ольга помолчала.

— Ты дома?

— Да.

— Одна?

— Он уехал.

Я услышала, как она прикрыла дверь.

— Приходи. Я тебя жду.

— Только Тасе ничего не...

— Я поняла. Ничего не скажу.

— Она ела сегодня после сада. Йогурт. Можно ей макароны без соуса?

— Конечно можно. Иди сюда, Надь.

Я положила телефон и посмотрела на мокрые салфетки. Встала, отнесла их к мусорному ведру, вернулась за новыми. Мне все время находилось, что сделать перед выходом. Убрать еду в холодильник. Закрывать форточку. Проверить, выключена ли духовка, хотя я сама ее выключала.

В ванной я умылась холодной водой. Лицо в зеркале выглядело почти обычным. Чуть краснее глаза, влажные пряди у висков. Я почему-то ожидала увидеть что-нибудь заметнее.

На раковине стояли три щетки. Саша забрал станок и до-

рожную косметичку, а щетку оставил. Я протянула к ней руку и тут же отдернула. Не знала, что собираюсь сделать: выбросить или положить ему к остальным вещам.

До Ольги было минут пятнадцать пешком. Я вышла без куртки, как ходила к ней днем, и уже во дворе поняла, что к вечеру похолодало. Возвращаться не стала.

У соседнего подъезда мужчина держал велосипед, пока девочка в расстегнутом шлеме пила воду. Я отвела глаза. На дороге передо мной остановилась машина, водитель жестом предложил пройти, а я никак не могла сообразить, чего он от меня хочет. Он подождал. Я кивнула и перешла.

Телефон лежал в руке. Имя Саши оставалось первым в недавних звонках: утром он спрашивал, забрала ли я рубашку.

Мне хотелось позвонить и задать еще один вопрос. В спальне все случилось слишком быстро. Если бы я спросила правильно, если бы не начала про график, он, может быть, объяснил бы иначе. Сказал бы что-то, с чем можно было жить до завтра.

Я открыла его контакт.

На фотографии Саша шурился на солнце. Тася сидела у него на плечах и держалась за волосы. Я сама сделала этот снимок в июне, когда мы выбрались к реке. Он потом попросил прислать ему: «Хорошо получились».

Большой палец завис над значком вызова. Я убрала телефон в сумку и застегнула ее обеими руками.

Ольга открыла раньше, чем я успела нажать на звонок второй раз. В одной руке у нее было кухонное полотенце, на плече белела полоска муки.

— Пирог затеяли, — сказала она, заметив мой взгляд. — Надо было их чем-то занять.

Я кивнула.

Она шагнула ко мне, обняла и удержала, когда я попыталась сразу отстраниться. От ее домашней футболки пахло стиральным порошком и едой. Я уткнулась лицом ей в плечо и заплакала так, что стало больно дышать.

— Тихо, тихо, — сказала Ольга. — Разувайся. Пойдем на кухню.

Я отступила, вытерла щеки ладонями. В комнате Дима объяснял, почему у бумажного дома не может быть гаража на крыше.

— Может! — возмутилась Тася. — Там лифт!

— Для машины?

— Да!

Ольга провела меня мимо двери.

— Они сейчас улицу строят. Сядь сюда.

На кухне был накрыт стол: две детские тарелки, миска с огурцами, кастрюля на подставке. Она подвинула ко мне чистую чашку и налила воды из фильтра.

— Расскажи.

Я держала чашку обеими руками.

— Девять месяцев.

— Что?

— Они встречаются девять месяцев. Я ее видела. Разговаривала с ней.

Ольга села напротив. Полотенце так и осталось у нее на коленях.

— Кто она?

Я назвала имя и место, где мы встречались. Пока рассказывала про серое платье и стакан воды, снова начала плакать. Ольга молчала, только передвинула ко мне коробку с салфетками.

— Я спросила про Тасю, — сказала я. — А он...

Из комнаты донесся грохот, и я резко повернулась к двери.

— Это коробка, — крикнул Дима. — Все нормально!

Я посмотрела на подругу.

— Он сказал, что ребенок мой. И проблемы мои.

Ольга крепко сжала полотенце.

— Так и сказал?

Я кивнула.

Она тихо выругалась и встала к плите. Сняла крышку с кастрюли, зачем-то перемешала макароны, хотя они уже были готовы.

— Хочешь остаться? Тасю с Димкой уложим, тебе я...

— Нет.

Слово выскочило слишком быстро. Ольга обернулась.

— Ладно. Не хочешь — не надо.

— Я не поэтому. У нее завтра сад. Все вещи дома. И она спросит, почему мы...

— Надь, тебе не нужно мне объяснять. Домой так домой.

Я опустила глаза. Мне было стыдно, что подруга предложила помощь, а я ответила так, будто она сделала что-то не то.

— Спасибо.

— Ты сама ела?

Я попыталась вспомнить. После сада мы с Тасей разделили яблоко. До этого я допила утром холодный кофе и съела кусок хлеба с сыром.

— Не хочу.

Ольга все равно положила мне немного макарон. Я взяла вилку, потому что она стояла рядом и ждала.

— Только не звони ему, — сказала я.

Она вскинула брови.

— Я и не собиралась.

— Просто...

— Я понимаю.

Я съела две вилки и отодвинула тарелку. Меня мутило, но вода уже не застревала в горле.

— А квартира? — осторожно спросила Ольга.

— Сказал, что пока живем там.

— Почему пока?

— Не знаю.

Подруга снова села.

— У меня есть номер юриста. Екатерина Белова. Сестра к ней обращалась, когда они с Игорем расходились. Я могу переслать.

Я посмотрела на нее.

Всего пару часов назад мне хотелось поговорить о работе. Не о разделе квартиры, не о том, кому достанутся наши вещи. В шкафу еще висели его костюмы. На кухне лежал кофе, который он купил вчера.

— Наверное, рано, — сказала я.

Ольга не стала спорить.

— Я скину. Потом решишь.

В дверях появилась Тася с большим листом картона. На нем стоял кривоватый белый домик. К крыше была приклеена синяя коробочка из-под чая, а сбоку свисала нитка.

— Мам, смотри. У нас машинка поднимается.

Я повернулась к ней и улыбнулась, не успев проверить, получается ли.

— Покажешь?

Она поставила картон мне на колени. Потянула за нитку. Коробочка дернулась, накренилась и повисла на одном боку. Тася нахмурилась.

— Дима плохо сделал.

— Ты сама приклеивала! — возмутился он из коридора.

— А ты сказал, что так надо.

Я придержала край крыши.

— Может, мы дома поправим? Только клей пусть сначала

высохнет.

— А папа сможет? Он умеет.

Ольга посмотрела на меня поверх Тасиной головы. Я провела пальцем по смятому уголку картона.

— Сегодня попробуем сами.

Дочь вздохнула и принялась объяснять, где у домика дверь. Через минуту она уже сердилась, что я держу его не той стороной. Я слушала, задавала вопросы и постепенно смогла смотреть на нее, не боясь немедленно расплакаться.

На выходе Ольга завернула для нас два куска пирога. Тася настояла на третьем.

— Папе, — сказала она. — Он с яблоками любит.

Подруга открыла контейнер и положила еще один кусок.

По дороге домой Тася устала нести свой дом и передала его мне. Нитка цеплялась за ручку сумки, картон гнулся. Пришлось остановиться у лавочки и переложить вещи.

— Давай пирог мне, — предложила дочь.

Я отдала ей легкий пакет. Тася понесла его двумя руками перед собой, как что-то очень важное, и на несколько минут замолчала.

Свет в наших окнах был включен. Впервые за вечер мне удалось подумать о чем-то практическом: хорошо, что я не погасила его перед уходом. Не придется открывать дверь в темную квартиру.

Тася первой вбежала в прихожую.

— Пап! Мы тебе пирог принесли!

Я поставила домик на тумбу. Из кухни доносилось гудение холодильника.

— Папы сейчас нет, — сказала я.

Дочь стянула с ноги кроссовку, не расстегнув липучку.

— Он на работе?

Утвердительный ответ уже был готов. После него можно было спокойно вымыть ей руки, надеть пижаму и дожить до ночи.

— Нет. Папа сегодня будет ночевать в другом месте.

Тася замерла со второй кроссовкой в руке.

— В гостинице?

— Не в гостинице.

— А где?

Я присела перед ней, помогла освободить пятку.

— У знакомого человека.

Это было ужасное объяснение. Я услышала, как оно прозвучало, но ничего лучше придумать не смогла.

— А мы почему не поехали?

— Потому что мы с тобой будем дома.

— Он завтра приедет?

Я погладила ее по коленке. На носке была зеленая полоска от фломастера.

— Я пока не знаю, когда. Мы с папой поговорим, и я тебе скажу.

Тася смотрела на меня серьезно, ожидая продолжения. Я понимала, что ей мало этих слов. Мне самой было мало, хотя

я просидела рядом с Сашей почти полчаса и могла задавать любые вопросы.

— Он на меня сердится? — спросила она.

— Нет. Тась, нет.

Я взяла ее за руки.

— Ты ничего плохого не сделала. Мы с папой должны кое о чем договориться. Это наши взрослые дела.

— А пирог?

— Уберем в холодильник.

Она подумала и кивнула. Потом вспомнила про домик и потребовала поставить его на стол, чтобы клей высох окончательно.

Я помогла ей снять кофту, отвела в ванную и включила воду. Тася засучила рукава. Один тут же сполз на ладонь и намок.

— Ну мам!

— Сейчас. Подожди.

Я попыталась закатать его выше, но ткань прилипла к запястью. Тася выдернула руку и забрызгала зеркало.

— Сними. Я так не хочу.

Обычно я сказала бы, что ничего страшного, рукав быстро высохнет. В тот вечер мне не хватило сил спорить. Я помогла стянуть футболку через голову и принесла чистую.

Пока дочь переодевалась, я посмотрела на телефон. Ни звонка, ни сообщения от Саши.

Мы проверили бумажный лифт. Оказалось, коробочка

цеплялась за край крыши. Я обрезала выступающий угол, Тася держала дом обеими руками и следила, чтобы я не задела нарисованное окно. Со второго раза лифт поднялся ровно. Она тут же посадила в него маленькую пластиковую собаку вместо машины.

— Она в гости едет, — объяснила Тася.

Я нашла место для домика на низкой полке и пошла готовить постель.

В ее комнате пахло карандашами и детским шампунем. На полу лежала пижамная кофта — утром дочь не захотела класть ее на стул, потому что там спала игрушечная лиса. Я подняла кофту, встряхнула и села рядом с Тасей на кровать.

Она выбрала книгу, которую мы читали уже столько раз, что я почти знала ее наизусть. На середине остановила меня.

— Ты страницу пропустила.

Я посмотрела на разворот. Действительно пропустила.

— Прости. Сейчас вернемся.

— Там еще про шарф.

— Вижу.

Я начала снова, стараясь следить за каждой строчкой. Дочь прижалась ко мне теплым плечом. За стеной у соседей работал телевизор, в коридоре тихо щелкнул выключатель. Наш обычный вечер продолжался и без Саши. Мне было трудно понять, почему это возможно.

Когда я закрыла книгу, Тася попросила оставить дверь открытой.

— Конечно.

— И ты полежи.

Я вытянулась рядом, не снимая домашних брюк. На детской кровати было тесно. Тася устроилась боком, сунула ступни мне под колени и сразу потребовала, чтобы я не шевелилась.

— Мам.

— Что?

— А когда папа придет, он меня разбудит?

Я посмотрела на светлую полосу в дверном проеме.

— Сегодня он не придет, солнышко. Спи.

Дочь ничего не ответила. Только придвинулась еще ближе.

Я лежала, пока ее дыхание не стало ровным. У меня затекла рука, но я боялась пошевелиться и снова услышать вопрос, на который не знала ответа.

Потом Тася сама перевернулась, отодвинулась к стене и заняла почти всю подушку. Я поправила одеяло и выбралась из кровати.

В спальне на полу осталась вмятина на ковре там, где стояла сумка. Дверца шкафа была приоткрыта. Я подошла закрыть ее и увидела пустое место между рубашками.

Часть одежды он оставил. Два костюма, зимний свитер, коробку с документами на верхней полке. Мне стало легче на одну короткую секунду: значит, еще придется вернуться.

Я закрыла шкаф и прижалась к нему лбом.

Он сказал, что уходит к другой женщине. Объяснил, сколько времени был с ней. Сложил вещи и уехал. А я радовалась оставленному свитеру.

Слезы снова потекли, на этот раз тихо. Я села на пол возле кровати и позволила себе не вытирать лицо. В комнате было тепло, но руки никак не согревались. Хотелось позвонить маме. Она бы сразу услышала, что случилось, и стала спрашивать. Мне пришлось бы повторить все еще раз, а потом утешать ее, когда она начнет плакать вместе со мной.

Я посмотрела на время и решила позвонить утром. Родители ложились рано. Сейчас я не могла добавить к этому вечеру еще один разговор.

Сообщение от Ольги пришло в половине одиннадцатого.
«Уложила?»

Я ответила, что да.

Следом она прислала номер Екатерины Беловой и адрес кабинета.

«Сестра говорит, сначала просто позвони. Она объяснит, что нужно принести».

Я сохранила контакт. Подруга еще спросила, не прийти ли ей утром, но я написала, что отведу Тасю сама. Ольге к восьми на работу. Я помнила ее график.

Потом на экране появилось Сашино имя.

Я встала с пола так быстро, что потемнело в глазах.

«Надя, предлагаю сразу договориться об основных вещах, чтобы не растягивать».

Ни вопроса о дочери, ни вопроса обо мне.

Под первым сообщением появилось второе, длиннее.

Квартиру он предлагал оставить себе. Мне выплатить треть ее стоимости после оценки. Машина оставалась у него. Денежные накопления он хотел учесть в той же сумме, подробный расчет обещал прислать позже. На Тасю собирался переводить деньги ежемесячно; сколько именно, мы должны были решить отдельно.

Я перечитала все с начала. Несколько раз вернулась к слову «треть».

Мы выбирали эту квартиру вместе. Я ездила смотреть ее днем, потому что Саша не мог отпроситься, а вечером рассказывала, где окна и какие деревья во дворе. Сама нашла бригаду для ремонта. Работала тогда до семи и после офиса приезжала сюда проверять, что успели сделать.

Я не знала, как это должно было делиться. Правда не знала. Никогда не открывала такие статьи, не пыталась представить, какую часть нашей жизни мне однажды предложат забрать с собой.

В третьем сообщении он написал:

«Пока живите спокойно. Я не тороплю. Но надеюсь, мы решим все сами, без посторонних. Это в наших общих интересах».

Я села за кухонный стол.

Хотелось спросить, почему он начал считать квартиру раньше, чем поинтересовался, заснула ли дочь. Хотелось от-

править фотографию пирога в контейнере. Я даже открыла камеру, но увидела на экране собственную руку, державшую телефон, и опустила ее.

Тася попросила третий кусок, потому что любила папу. Мне не хотелось превращать это в довод, который он прочитает между сообщениями о деньгах.

Я написала: «Саша, она ждала тебя».

Прочитала и стерла.

Потом набрала: «Я сегодня ничего решать не буду».

Он ответил почти сразу:

«Разумеется. Подумай спокойно».

Я сделала снимки экрана с его предложением. Не знала, понадобятся ли они. Просто боялась, что завтра он объяснит все другими словами, а я опять начну сомневаться, что именно услышала.

На столе все еще лежал мой список про работу. Один край намок, бумага пошла волной. Я развернула его и нашла внизу свободное место. Выписала номер Екатерины, хотя уже сохранила его в телефоне.

Ночью я несколько раз просыпалась. В первый раз потянулась к Сашиной стороне кровати и только после этого вспомнила. Во второй услышала, как Тася зовет меня из комнаты. Принесла ей воды и осталась рядом до утра.

Утром дочь долго искала синий носок. Я предложила другую пару, она отказалась. Мы нашли его за корзиной с игрушками, потом она передумала и выбрала белые. Я стояла

в дверях детской с двумя разными носками в руке и вдруг коротко засмеялась.

— Ты чего? — спросила Тася.

— Ничего. Давай одеваться. Опоздаем.

Она все-таки надела белые.

Я сварила кашу, собрала ей волосы, проверила, что в рюкзаке есть запасная футболка. У дверей Тася захотела вернуться за маленькой собакой из бумажного лифта. Я разрешила взять ее с собой.

В саду дочь повисла у меня на шее. Обычно она торопилась к детям, но сегодня не отпускала.

— Ты меня заберешь?

— Да. После полдника.

— Сама?

— Сама.

Она еще немного постояла рядом, держа меня за палец. Потом воспитательница позвала ее посмотреть, какой большой лист принес с улицы мальчик из их группы. Тася пошла, оглянулась у двери, и я помахала ей.

Домой я вернулась незадолго до девяти. Сняла обувь, прошла на кухню и поставила перед собой вчерашний лист.

Саша обещал позвонить. Я проверила звук на телефоне, чтобы не пропустить, и снова посмотрела на записанный номер.

Мне хотелось сначала услышать мужа. Уточнить, точно ли он собирается разводиться. Спросить, говорил ли с кем-то

о квартире, почему предложил треть, что имел в виду под общими интересами. Я представила, как этот разговор растянется на весь день, а вечером все равно придется идти за Тасей.

В девять я набрала номер Екатерины Беловой.

Ответила женщина с деловым, немного хриплым голосом.

— Доброе утро.

— Здравствуйте. Меня зовут Надежда Воронова. Мне дали ваш телефон. Вы занимаетесь разводами?

— Да, занимаюсь. Что у вас произошло?

Я взялась за ручку. Кончик оставил на бумаге маленькую кляксу.

— Муж вчера ушел. У нас дочь, ей четыре года. И квартира. Он прислал свои условия, а я не понимаю, на что могу соглашаться.

— Вы уже что-нибудь подписали?

— Нет.

— Хорошо. Давайте начнем с консультации. Во вторник в одиннадцать сможете приехать?

Я знала, что в это время Тася будет в саду. Все остальное можно было отложить.

— Смогу.

Екатерина назвала стоимость приема, перечислила, какие документы желательно взять, и повторила адрес. Я записала. Спросила номер кабинета, уточнила, подойдут ли копии того, что не найду в оригинале.

В конце она попросила принести и сообщения мужа.
— Я их сохранила, — сказала я.

После звонка открыла календарь. Во вторник стояло напоминание забрать Сашин пиджак из ателье. Я перенесла его в список несрочных дел и добавила новую запись: «Екатерина Белова, 11:00». Поставила напоминание за час и сохранила.

Глава 2. На что я имею право

Мама спросила, купила ли я Тасе осенние ботинки, и я вдруг поняла, что уже три минуты отвечаю ей так, будто ничего не произошло.

Мы говорили каждую пятницу. Она обычно звонила после рынка, по дороге домой, и рассказывала, что купила. В этот раз на заднем плане шелестел пакет, а отец что-то говорил про лифт.

— Купила, — ответила я. — Мам, ты домой дошла?

— Дошла. Почему?

Я села на табурет и рассказала. Оказалось, произнести это во второй раз было не легче, чем в первый. Мама сначала молчала, затем попросила уточнить, куда именно Саша уехал. Будто адрес мог что-то изменить.

— К женщине, мам. К той, с которой встречается.

— Как это — встречается? А вы?

Из соседней комнаты донесся голос отца. Она прикрыла трубку ладонью, но я все равно услышала свое имя.

— Не надо сейчас ему пересказывать. Давай я сначала...

Мне не хватило дыхания. Мама перестала спрашивать и просто слушала, пока я говорила. В какой-то момент отец взял второй телефон и тоже подключился. Он не обещал немедленно приехать и разобраться. Спросил, где Тася и есть ли у меня деньги.

— Есть, пап.

— На сколько?

— Не считала.

— Посчитай. Не прямо сейчас, вечером. И сообщи.

Я потеряла ладонью лоб. Впервые за сутки вопрос о деньгах не вызвал желания оправдаться.

Мама предложила приехать к ним. У них оставалась моя комната, отец мог встретить на вокзале. Я представила две сумки, Тасю в поезде, знакомую кровать под стеной. Там меня никто не заставил бы принимать решения хотя бы несколько дней.

— Я подумаю, — сказала я.

— Конечно подумай. Не нужно одной сидеть.

После разговора я долго смотрела на календарь. Во вторник был прием у юриста. На следующей неделе в саду начались занятия, которых Тася ждала все лето. Мне нужно было позвонить Светлане, найти документы, понять, что делать с собой. Уехать хотелось так сильно, что я испугалась: если позволю себе сейчас спрятаться в своей детской комнате, выбраться оттуда будет еще труднее.

Отец прислал короткое сообщение: «Мы рядом. Решай, как тебе удобнее». Я ответила, что пока останусь дома.

Саша позвонил ближе к обеду.

— Как вы?

— Тася в саду.

— Я про тебя тоже спрашиваю.

Я закрыла глаза. По его голосу нельзя было понять, из какой комнаты он звонит. Не было ни чужого смеха, ни музыки, ничего из того, что успело несколько раз возникнуть у меня в голове за утро.

— Плохо, Саша.

— Надя, я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Что ты хотел?

Он помолчал.

— Уточнить, прочитала ли ты предложение.

— Прочитала. Мне нужно время.

— Я не тороплю. На воскресенье какие планы? Могу забрать Тасю погулять.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать.

— До обеда или с обедом?

— Решим по ходу.

Я посмотрела на кастрюлю с оставшейся утренней кашей. Все последние годы именно я должна была угадывать, означает ли его «по ходу» два часа или весь день.

— Мне нужно знать, кормить ее до встречи или нет.

— Покормлю. Привезу к трем. Так достаточно подробно?

Я пропустила мимо ушей последнее.

— Да. В одиннадцать, до трех. Я ей скажу.

На выходных он приехал вовремя. Тася увидела машину из окна и бросилась искать свою собаку, ту самую, которую возила в бумажном лифте. Я помогла застегнуть куртку, по-

ложила в маленький рюкзак воду и салфетки. Саша поднялся за ней, наклонился обнять, и дочь повисла у него на шее.

— Ты где спал? — спросила она.

— У меня теперь другое место, солнышко.

Он встретился со мной взглядом.

— Мы с мамой пока будем жить отдельно.

Тася отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— А почему?

— Так получилось.

Я взяла с тумбы рюкзак.

— Мы с папой больше не будем жить как раньше, — сказала я. — Ты будешь дома со мной, а с папой будете видеться.

Она молчала. Я чувствовала, как Саша сердится на слово «больше», хотя сам еще вчера готовил условия раздела. Ему, наверное, было проще оставить все неопределенным. Мне тоже было бы проще, если бы дочь потом не спрашивала об этом каждый вечер.

— Но сегодня вы идете гулять, — добавила я. — И обедаете вместе.

Тася прижала собаку к груди.

— В ту пиццу?

— Можно в ту, — ответил Саша.

Пока их не было, я сняла постельное белье, вымыла пол в спальне и достала папку с документами. Работала слишком быстро, то и дело проверяя телефон. В два часа Саша прислал фотографию: Тася сидела за столиком, держа обеими

руками огромный кусок пиццы. На ней была наша старая синяя кофта, я узнала зашитый шов на плече.

Я увеличила снимок. На столе стояли только два стакана. Потом мне стало стыдно, и я закрыла фотографию.

Дочь вернулась довольная, уставшая и с маленьким заводным автобусом. Показала, как он открывает двери, сообщила, что папа не разрешил второе мороженое, и ушла в комнату. На несколько минут можно было поверить, что у нас просто обычное воскресенье.

— Видишь? — сказал Саша, когда я принесла его забытые очки. — Все можно делать нормально.

Я протянула футляр.

— Она спрашивала, почему ты не возвращаешься?

— Спрашивала.

— Что ты ответил?

— Надя, мы уже сказали ей все необходимое.

Он убрал очки во внутренний карман. На его пальце больше не было кольца. Я заметила светлую полоску и с трудом вернулась к тому, о чем собиралась говорить.

— Я во вторник иду к юристу.

Он перестал искать ключи.

— Зачем?

— Разобраться в документах.

— Я вроде понятно написал.

— Мне недостаточно.

— Ты уже начала советоваться с Ольгой?

Я почувствовала знакомое желание объяснить, что это не подруга меня настраивает. Что я сама способна решить. Что не собираюсь устраивать ему неприятности. Вместо этого поправила рюкзак на крючке.

— Консультация во вторник. Потом отвечу на твое предложение.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Только учти: чем больше людей влезет, тем дороже это обойдется нам обоим.

Я открыла дверь. Он вышел, больше ничего не добавив.

Во вторник у меня под мышкой была толстая папка, в которой лежало много лишнего. Я взяла даже старую квитанцию из мебельного магазина, потому что не представляла, что именно потребуется доказывать.

Кабинет Екатерины оказался на втором этаже небольшого делового здания. В коридоре пахло кофе и свежей краской. Возле окна стояли два кресла; на одном лежала детская куртка, пока хозяйка разговаривала с женщиной у стойки. Я вдруг поняла, что здесь до меня сидели другие люди с такими же папками. Их жизнь тоже продолжалась между встречами и ожиданием звонка.

Екатерина сама вышла за мной. На вид ей было чуть за сорок. Короткие темные волосы, простое платье, очки на цепочке. Она предложила воду, уточнила, сколько у меня времени, и попросила начать с того, чего хочу я.

Я растерялась.

— В каком смысле?

— Вы хотите развестись? Сохранить брак? Пока понять варианты? Мне нужно знать вашу задачу.

Я положила ладонь на папку. До этой минуты мне казалось, что задача уже определена мужем: он ушел, я должна разобраться с последствиями.

— Развестись, — сказала я и прислушалась к собственному голосу. — Наверное... Нет. Развестись.

Екатерина кивнула и сделала пометку.

— Тогда будем исходить из этого. Есть общий ребенок?

Я рассказала о Тасе, квартире, машине, работе Саши. На звании Екатерина не задержалась. Уточнила, продолжает ли он служить, и, услышав ответ, перешла к тому, когда мы купили квартиру.

— Во время брака. Пять лет назад.

— На какие средства?

— Наши. Накопления, потом еще несколько месяцев доплачивали.

— Наследство, подарки родителей, специальные жилищные программы?

— Нет.

Она взяла копию договора, посмотрела даты.

— Брачный договор заключали?

Я отрицательно покачала головой.

— Он пишет, что даст треть, — сказала я. — Я сейчас не работаю. С рождения дочери. До этого работала, но получала меньше него.

— Сам по себе перерыв в работе из-за ухода за ребенком не лишает вас прав на общее имущество.

Я смотрела на нее, ожидая продолжения. Условий, исключений, какого-нибудь «но», после которого все снова зависело бы от Сашиного решения.

— Сейчас мы не будем считать окончательные суммы, — добавила Екатерина. — Нужно увидеть все имущество и обязательства, проверить документы. Но соглашаться на предложенную треть только потому, что вы не получали зарплату, вам не нужно.

Я вытащила распечатки сообщений. Она прочитала их медленно, один раз вернулась к началу.

— Он предлагает одной выплатой закрыть сразу несколько вопросов. Вы должны понимать каждый из них, прежде чем что-либо подписывать.

— Я могу оставаться в квартире?

— Вы сейчас там живете с дочерью. Не принимайте поспешных решений о переезде из-за его устного требования. Если появится конкретный спор о пользовании, будем разбираться отдельно. У вас обоих есть права, и одного его желания недостаточно, чтобы произвольно определить, кому что достанется.

Я медленно выпустила воздух. Раньше я не замечала, что сижу почти не дыша.

Екатерина отложила имущественные документы в одну сторону, свидетельство о рождении — в другую.

— Теперь ребенок. Отец оспаривает отцовство?

— Нет. Конечно нет.

— С кем будет жить дочь, вы обсуждали?

— Со мной. Он согласен.

— Тогда нам нужно отдельно определить содержание и участие отца в ее жизни. И отдельно — ваш развод и имущество. Эти вещи связаны вашей ситуацией, но не должны превращаться в одну сделку, где за квартиру вы отказываетесь от выплат ребенку.

Я кивала и записывала. Слова были простыми, а удержать их в голове все равно было трудно.

— Он сказал, что деньги будет давать.

— Хорошо. Нужно понять, сколько, когда и как это закрепить. Составьте расходы на дочь. Без попытки зависить и без попытки показать, что вам почти ничего не нужно. Принесите то, что можете подтвердить.

— Я не хочу просить у него на каждую кофту.

— Тогда как раз стоит договориться о понятном порядке.

Она не улыбнулась ободряюще и не сказала, что все получится легко. Рассказала, какие сведения еще нужны, что можно сделать сейчас, а что потребует времени. Предложила сначала проверить документы, затем подготовить заявление о разводе. Объяснила, что наличие несовершеннолетней дочери означает судебный порядок в нашей ситуации, и попросила не ждать, что все закончится в день подачи.

На вопрос, заберет ли Саша Тасю, я решила уже в конце.

— Он вам угрожал этим? — спросила Екатерина.

— Нет. Но... у него деньги. Знакомые. А у меня пока нет работы.

— Само по себе это не означает, что ребенок автоматически будет жить с ним. Давайте опираться на реальные обстоятельства и не придумывать ему возможности заранее. Если возникнет спор, будем работать с ним. Пока вы говорите, что место жительства дочери между вами согласовано.

Она подвинула ко мне лист с перечнем документов.

— Что еще хотите спросить?

Я посмотрела в свои записи. Там было много вопросов, на которые она уже ответила, и один, который я не собиралась задавать вслух: почему после одиннадцати лет мне приходится доказывать, что я не посторонний человек в собственном доме.

Вместо этого я спросила о стоимости дальнейшей работы. Мы обсудили этапы и оплату. Я могла позволить себе начать, если уберу из ближайших расходов все, что не было необходимым.

Когда вышла, на часах было почти двенадцать. На первом этаже продавали кофе и булочки. Я купила стакан и села за маленький столик у окна. Пока кофе остывал, перечитала лист от Екатерины.

Я все еще боялась. Но теперь могла назвать хотя бы часть того, чего боялась, и рядом с каждым таким пунктом стояло действие.

Дома я достала старый ноутбук. Он включался долго, потребовал обновление и показал на рабочем столе папку «Личное», которую я создала перед уходом с работы. Внутри лежали фотографии, несколько рецептов и последний расчет, который я когда-то проверяла для коллеги.

Я открыла новую таблицу.

В первом столбце написала «Обязательное». Во втором — суммы. Детский сад, продукты, коммунальные платежи, лекарства, транспорт. На слове «одежда» остановилась: Та-ся росла не по месяцам бухгалтерского учета, а как ей хотелось. Иногда за неделю становились малы сразу брюки и две футболки.

Я добавила еще один столбец: «Не каждый месяц».

Считать оказалось легче, чем думать. Цифры хотя бы не меняли смысла, когда на них смотришь второй раз. На моем счете оставалось сто восемьдесят тысяч — часть семейного резерва, которую мы держали у меня для обычных расходов. Раньше я увидела бы в этой сумме запас. Теперь пыталась понять, сколько недель из нее получится, если потребуется платить за юриста и восстанавливать работу.

Я не стала называть деньги своими сбережениями. Екатерина отдельно попросила учитывать все общее, независимо от того, на чьем счете оно лежит. Мне это даже понравилось: не требовалось придумывать, что мои сто восемьдесят особенные, а его накопления нет.

Через час таблица была готова. Я обнаружила, что дважды

записала оплату кружка, который мы только собирались начать, и забыла собственную связь. Исправила. Внизу получилась сумма, которой нельзя было пренебречь, но она не означала немедленной катастрофы.

Позвонила отцу и сказала, что на ближайшие недели деньги есть. Он спросил, нужна ли помощь сейчас. Я поблагодарила и ответила, что пока нет.

— Это не экзамен, Надь, — сказал он. — Если понадобится, просто говори.

— Я знаю.

Я не совсем знала, но запомнила.

Светланин номер сохранился у меня под старым названием организации. Мы виделись однажды после рождения Таси и несколько раз поздравляли друг друга с праздниками. Светлана звала зайти, я отвечала, что обязательно выберусь, когда станет полегче. Потом стало неловко обещать снова.

Я открыла переписку и прочитала свое последнее сообщение, отправленное почти год назад: «Весной точно загляну».

Весна прошла. Лето тоже.

Первую фразу я написала в заметках, потом убрала телефон подальше и набрала номер без подготовки.

— Надежда? — Светлана узнала меня сразу. — Что случилось?

От этих слов я растерялась.

— Почему обязательно случилось?

— Потому что ты обещала прийти на кофе, а звонишь та-

ким голосом, будто потеряла мой годовой отчет.

Я неожиданно улыбнулась.

— Отчет на месте. Наверное.

— Уже хорошо. Рассказывай.

Я не стала начинать с Саши. Сказала, что собираюсь возвращаться к работе, понимаю величину перерыва и хочу узнать, есть ли у нее что-нибудь на небольшую нагрузку.

Светлана не ответила сразу. Я слышала, как она щелкала мышкой.

— С программой давно работала?

— По-настоящему — давно. Смотрела обновления, но это не считается.

— Не считается, — согласилась она. — Сметы сейчас какие-нибудь делала?

— Нет.

— А почему так долго не выходила?

Я посмотрела на Тасину фотографию, прикрепленную к холодильнику магнитом.

— Так сложилось. Мы решили, что пока я буду дома.

— А теперь решили иначе?

— Теперь я решила иначе.

Светлана не стала уточнять местоимение.

— Есть небольшой объем по офису. Не самостоятельно с первого дня, конечно. Нужно разобрать исходники, свести ведомость, потом проверить расчет. Оплачу как задание. Посмотрим, как пойдет. Но мне нужен честный график, Надя.

Не обещай сорок часов, если у тебя их пятнадцать.

Я выпрямилась.

— Могу приходить утром и работать до половины четвертого. Вечером кое-что дома.

— Вечер пока не считай. Приходи в пятницу к десяти. Обсудим.

— Светлана Анатольевна...

— Только не начинай благодарить раньше времени. Может, ты увидишь наши исходники и сама убежишь.

— Я не убегу.

— Вот это как раз обещать не надо. До пятницы.

Она отключилась, а я еще несколько секунд держала телефон у уха.

Я ждала, что придется доказывать готовность работать, рассказывать, как я быстро учусь и не забыла профессию. Светлана вместо этого предложила прийти и показать, что я умею. От этого было страшнее и спокойнее одновременно.

Вечером я достала папку с дипломом. Долго искала ее между страховыми полисами и инструкциями к технике. Она оказалась за коробкой с Сашиными наградами.

Я поставила коробку на место и смахнула пыль с обложки диплома рукавом.

На следующий день приехала Зоя Павловна.

Она предупредила за час: хотела увидеть внучку и привезти яблоки. Я забрала Тасю из сада пораньше. Дочь бросилась показывать бабушке автобус, полученный от Саши, и

бумажный дом. Зоя Павловна внимательно посмотрела все, похвалила крышу, спросила, как девочка спит.

— Нормально, — ответила я.

Тася подняла голову.

— Я к маме прихожу.

— Ну иногда приходишь, — поправилась я.

Зоя Павловна ничего не сказала, но посмотрела на меня так, будто я зачем-то пыталась скрыть неисправность.

Мы сели пить чай, а Тася ушла строить автобусную остановку. Свекровь сняла очки, протерла их салфеткой и спросила, зачем мне понадобился юрист.

— Саша рассказал?

— Он переживает, что вы не сможете договориться спокойно.

Я поставила чайник на подставку. Внутри вскипело знакомое раздражение, но я попробовала сначала ответить на вопрос.

— Мне нужно понять, что делать с документами.

— Наденька, я не против специалистов. Но иногда чужие люди только разжигают. Им же за это платят.

— Ей платят за работу.

— Я понимаю. Ты тоже пойми: у вас ребенок. Нельзя все рубить с плеча.

Я обхватила чашку, хотя чай был еще слишком горячим.

— Я ничего не рубила. Ваш сын собрал сумку и уехал.

— Мужчины в этом возрасте иногда...

Она замолчала, подбирая слово. Я почти помогла ей. «Путаются». «Устают». «Боятся старости». У меня самой за последние дни набралось достаточно объяснений, каждое из которых на несколько минут делало случившееся менее окончательным.

— Зоя Павловна, он девять месяцев мне врал.

— Я не оправдываю.

Но мы обе услышали, как это прозвучало.

В детской что-то упало. Тася позвала меня. Я сходила поправить коробку, которая изображала остановку, принесла ей скотч и вернулась. Свекровь сидела в прежней позе, не притронувшись к чаю.

— Ты сама хочешь развестись? — спросила она.

Мне снова понадобилась пауза. Не потому, что я не знала ответа. Произнести его перед матерью мужа было труднее, чем перед Екатериной.

— Да.

— Даже если он одумается?

Я провела ногтем по шву на ручке чашки.

— Я не могу строить жизнь на том, одумается он или нет.

Свекровь отвела взгляд к окну.

— Я думала, вы счастливы.

— Я тоже.

После этого мы долго молчали. За стеной Тася разговаривала с игрушками, распределяя места в автобусе. Свекровь наконец попробовала чай, поморщилась: остыл.

— Я хочу продолжать видеть внучку, — сказала она.

— Я не собираюсь вам мешать. Только давайте при ней без разговоров о том, что я должна сделать, чтобы папа вернулся.

Она посмотрела на меня внимательно, без прежней снисходительности.

— Я бы ей такого не сказала.

— Хорошо.

Я налила свежего чая. Мы не помирились, потому что не ссорились открыто. Но впервые я не попросила у нее прощения за то, что разговор получился неприятным.

В пятницу я чуть не опоздала к Светлане.

Тася не хотела оставаться в саду. Я была в пиджаке и в туфлях, которые она давно не видела, и дочь решила, что собираюсь куда-то надолго. Мы сидели на маленькой скамейке в раздевалке. Я объясняла, что схожу на встречу и вернусь за ней, а она теребила пуговицу у меня на рукаве.

— А если забудешь?

Я почувствовала, как сжалось горло.

— Не забуду. После полдника приду.

Воспитательница подошла без привычного «давай скорее, все уже играют». Присела рядом, спросила Тасю про автобус. Дочь постепенно отвлеклась. Я оставила в шкафчике запасные вещи и вышла, оглянувшись только один раз.

На улице оказалось, что я застегнула пиджак не на ту пуговицу.

«Контур» занимал несколько комнат над магазином светильников. Внизу стояли коробки с люстрами, и мне пришлось протискиваться боком, стараясь не зацепить их сумкой. Светлана встретила меня возле лестницы.

— Нашла?

— Да. Извините, я...

— Ты вовремя. Не начинай.

Она выглядела почти как прежде, только волосы теперь были короче. Провела меня мимо комнаты, где молодой мужчина сидел перед двумя мониторами, и открыла небольшой кабинет.

На столе лежала пачка листов с закладками. Я узнала знакомую тяжесть чужих исходных данных и впервые за много дней почувствовала любопытство.

— Здесь что? — спросила я.

— Офисный этаж. Ремонт, перепланировка отдельных помещений. Документы собирали из трех мест, версии не везде совпадают. Сначала нужен порядок, потом уже цифры.

Я перелистнула первые страницы. На одном плане была дата месяц назад, на другом — более поздняя. Названия файлов почти одинаковые.

— Утвержденный комплект есть?

Светлана улыбнулась уголком рта.

— Вот поэтому я и позвала тебя. Начнешь с этого вопроса, а не с красивой итоговой суммы.

Я провела ладонью по листу, расправляя загнутый угол.

На секунду мне захотелось сидеть здесь до вечера, пока все не станет понятно. Потом я вспомнила Тасю, полдник и то, что обещала не предлагать больше времени, чем у меня есть.

Мы обсудили оплату первого задания, работу в офисе и возможность часть подготовки делать дома. Светлана сразу предупредила, что мои расчеты будет проверять сама.

— Я не обижусь, — сказала я.

— Хорошо. Потому что это не вопрос доверия к человеку. Это ответственность за работу.

У двери она задержала меня.

— Надь, что у тебя происходит?

Я посмотрела на полоску пола между ее туфлями и своими.

— Развожусь.

Светлана тихо вздохнула.

— Понятно.

Она не сказала, что всегда знала, и не попросила подробностей. Спросила только, смогу ли я сейчас держать оговоренный объем.

— Смогу. Если не стану делать вид, что все в порядке каждую минуту.

— Мне достаточно, чтобы ты сообщала о проблеме до срока сдачи. В остальном будем смотреть.

Я вышла с листом условий и небольшой папкой. На улице хотелось кому-нибудь позвонить. Первым, как всегда, в голову пришел Саша. Еще до свадьбы он иногда встречал меня

после работы, и я всю дорогу рассказывала, что получилось, на чем застряла, с кем спорила. Он слушал. Мне было важно, что он слушал.

Я достала телефон и набрала маму.

В начале следующей недели Екатерина прислала документы на проверку. Я внимательно прочитала каждую строчку, уточнила несколько дат и поехала подписывать то, что требовалось для подачи заявления. Никакой особенной решительности не почувствовала. Наоборот, рука дрожала сильнее, чем хотелось.

Когда мне сообщили, что заявление подано, я сидела дома за ноутбуком. Тася была в саду, Саша находился неизвестно где. Я долго смотрела на экран, потом написала ему коротко: его имущественное предложение я пока не принимаю, вопросы будем обсуждать после проверки документов и оценки.

Он ответил: «Ты усложняешь».

Я несколько раз набрала начало оправдания. Стерла его и вернулась к рабочей папке.

На понедельник следующей недели была назначена моя первая смена в «Контуре». Ольга согласилась подстраховать с садом, если вводная встреча затянется, а я обещала забрать Диму с занятия в один из ее поздних дней. Мы сверили время, записали адреса и разошлись по своим делам.

Вечером я установила нужные обновления и открыла программу. Половина кнопок оказалась не там, где я помнила. Я

нашла старый расчет, попробовала повторить знакомое действие и получила сообщение об ошибке.

Пять лет отсутствия уместились в маленькое окно на экране.

Я потянулась закрыть программу. Вместо этого передвинула рядом блокнот и записала, на каком шаге остановилась. Завтра нужно было спросить Светлану, как теперь это делается.

Глава 3. Этажом выше

В первое рабочее утро я положила в сумку все, кроме пропуска.

Пропуска у меня пока не было, но я все равно искала его у входа в «Контур», перебирая ключи, салфетки и маленькую пластиковую собаку, которую Тася накануне оставила у меня в кармане. Дверь открыл молодой мужчина, которого я видела у двух мониторов.

— Вы к Светлане Анатольевне?

— Да. Я Надежда.

— Знаю. Она сказала пустить вас и не пугать.

Я посмотрела на него.

— Она так и сказала?

— Ну, про второе я сам догадался. Егор.

Он отступил, пропуская меня. В помещении пахло кофе, бумагой и чем-то сладким. У окна стояла коробка с печеньем, рядом — чашка с надписью, обращенной к стене. Вещи были чужими, но сама теснота рабочего утра показалась знакомой: кто-то искал зарядку, кто-то обсуждал по телефону вчерашнее письмо, принтер упорно захватывал по два листа.

Светлана вышла из кабинета с телефоном у уха и показала мне на стол возле перегородки. Я сняла жакет и села.

На клавиатуре лежал лист с доступами и короткая запис-

ка: «Сначала проверь папки. Егор поможет».

Я положила рядом блокнот, ручку, очки. Достала собаку, собираясь убрать ее поглубже, но Егор заметил.

— Эксперт?

— Контроль качества.

— Нам такой нужен.

Он развернул ко мне монитор и показал, где лежат материалы по офисному этажу. Через десять минут я перестала успевать за его мышкой.

— Подожди, — сказала я. — Вернись, пожалуйста. Как ты открыл сравнение версий?

Он повторил медленнее. Я записала порядок действий, попробовала сама и ошиблась.

— Еще раз, — попросила я.

Мне было неприятно просить. Егор мог быть на десять лет моложе, и я отлично помнила время, когда объясняла такие вещи новичкам. Но он не торопил. Подождал, пока у меня получится, и ушел к своему столу.

В половине одиннадцатого я получила первый звонок от заказчика. Он назвался Павлом и сразу спросил, почему в расчете до сих пор нет изменений по переговорной.

Я понятия не имела, о какой именно переговорной идет речь.

— Уточните, пожалуйста, дату комплекта, — сказала я.

— Мы же вчера отправили.

Я открыла почту. Вчера было воскресенье, и файлов с

этой датой в папке не оказалось.

— Мне нужно проверить, кому пришло письмо. Я вернусь к вам с ответом.

— А вы вообще кто?

Я назвала фамилию и объяснила, что начинаю работу над этим объемом. Заказчик недовольно выдохнул, но назвал адрес получателя. Письмо оказалось у Светланы и еще не было переложено в общую папку.

Когда она освободилась, я принесла ей вопрос.

— Хорошо, что не стала угадывать, — сказала Светлана. — Теперь сведи все в один список: дата, источник, кто подтвердил. Пока не определимся, по чему считаем, итоговую сумму никому не обещаем.

Я вернулась к столу с понятной задачей. До обеда работала, почти не поднимая головы. Не закончила и половины того, на что рассчитывала, зато впервые за последние недели прошло больше часа, в течение которого я ни разу не проверила Сашин статус в телефоне.

Пообедать меня позвал Егор.

— Светлана велела проследить, чтобы вы не питались одной тревогой.

— Вот это она уже точно не говорила.

— Не говорила, — признался он. — Но у нас рядом столовая, и суп заканчивается быстро.

Я посмотрела на время. До половины четвертого оставалось достаточно. Мы спустились вместе с бухгалтером Ва-

лентиной, которая спросила, давно ли я работаю со Светланой. Я сказала, что раньше работала, потом был перерыв.

— Дети?

— Дочь.

— Понятно, — сказала Валентина и передала мне поднос.

Больше вопросов не последовало. Оказалось, можно было вернуться в рабочую жизнь, не рассказывая каждому встречному, почему муж перестал любить тебя.

В столовой был длинный узкий зал. Стулья стояли так близко, что приходилось просить соседей подвинуться. Егор взял два компота, хотя собирался один, и некоторое время спорил сам с собой, какой вернуть. Валентина сказала, чтобы пил оба: после обеда все равно захочет сладкого.

Мы сели возле окна. Я поставила поднос, положила телефон рядом с тарелкой и тут же убрала в сумку.

— Ждешь звонка? — спросила Валентина.

— Нет. Привычка.

Она кивнула и принялась рассказывать Егору о своем принтере, который утром выдал чистый лист вместо платежки. Егор уточнил, не закончился ли тонер. Она уверенно сказала, что нет. Через минуту выяснилось, что она имеет в виду бумагу.

Они смеялись без раздражения. Я слушала, ела суп и постепенно переставала держать плечи поднятыми к ушам. За соседним столом спорили о парковке, у раздачи кто-то просил заменить вилку. Этот шум раньше был мне знаком до

такой степени, что я не замечала его. Сейчас хотелось сохранить каждую мелочь: поднос с отколотым углом, влажный след от стакана, чужое «передайте соль».

Валентина спросила, где я работала раньше. Я назвала организацию. Егор удивился: его преподаватель когда-то сотрудничал с ними.

— Маленький мир, — сказал он. — И как там было?

Я начала рассказывать про свой первый большой объект. Не тот, которым можно похвастаться, а тот, на котором мы три раза переделывали раздел из-за меняющихся исходных данных. Егор засмеялся, сказал, что кое-что в мире все-таки не меняется.

— А потом? — спросил он.

— Потом я научилась сохранять переписку. Всю.

— Полезный итог.

Я улыбнулась. От меня не ждали рассказа о том, как раньше я была лучше. Можно было говорить о работе как человек, у которого уже был опыт, пусть часть его приходилось поднимать из памяти с трудом.

Когда мы вернулись в офис, я достала из сумки телефон. Ни одного пропущенного. Мир выдержал полчаса без моего наблюдения. Я положила его экраном вниз и открыла список файлов.

К концу дня у меня болела шея и было исписано пять страниц блокнота. Я сверила с Ольгой время: ее помощь сегодня не требовалась. В половине четвертого поднялась, хо-

тя остальные продолжали работать.

— На сегодня все? — спросил Павел по телефону как раз в тот момент, когда я складывала вещи.

Мне захотелось сказать, что я еще немного посижу. Светлана, проходившая мимо, остановилась.

— Сегодня Надежда работает до половины четвертого, — спокойно сказала она, когда я передала ей разговор. — Остальное обсудим завтра.

Я вышла из офиса с ощущением, что сбежала. В саду Тася встретила меня с таким облегчением, что стало ясно: если бы я осталась еще на час, весь вечер объясняла бы, почему обещание снова изменилось.

Дома нас ждали картонные коробки.

Они стояли на лестничной площадке между лифтом и проходом к квартирам. Не перекрывали его полностью, но оставляли узкую щель. Сверху на одной лежал свернутый коврик. Тася сразу решила, что коробки принадлежат нам.

— Это что?

— Не знаю. Осторожнее.

Я попыталась пройти боком, зацепилась сумкой и остановилась. После дня, в котором все требовало усилия, коробка оказалась последним, с чем я могла спокойно справиться.

— Можно убрать это с прохода? — спросила я громче, чем собиралась.

С верхнего пролета спустился мужчина с пустой рамкой под мышкой.

— Сейчас уберу. Простите, на минуту поставил.

— Все всегда на минуту. А ходить как?

Он опустил рамку к стене и молча отодвинул ближайшую коробку. Был в выцветшей темной футболке и джинсах, на предплечье белела полоска пыли. Я заметила сильные руки раньше, чем его лицо, и тут же рассердилась на себя за неуместное наблюдение.

— Так нормально? — спросил он.

Проход стал свободным.

— Да.

Я потянула Тасю к двери, но она уже заглядывала в приоткрытую коробку.

— Там тарелки?

— Там книжки, — ответил мужчина. — Тарелки я разобрал в первую очередь. Иначе есть было не из чего.

— Можно из кастрюли, — уверенно сказала Тася.

Он посмотрел на меня.

— Я поздно об этом узнал.

Я невольно улыбнулась и сразу вспомнила собственный тон.

— Извините, — сказала я. — Я слишком резко.

— Коробки правда мешали.

Он не стал облегчать мне вину уверениями, что все нормально. Просто признал свою часть неловкости, и от этого извиняться было легче.

Я открыла дверь. Тася шагнула внутрь, потом обернулась.

— А рамка для чего?

— Для картины. Если найду, в какую коробку ее положил.

— Надо подписывать, — сообщила дочь.

— Теперь уже понял.

Я закрыла дверь, чувствуя, что улыбаюсь. Потом сняла туфли и села прямо на тумбу. Ноги гудели, в сумке лежал рабочий блокнот, а из детской уже звали посмотреть, куда поставить пластиковую собаку.

Обычный день оказался гораздо длиннее, чем я помнила.

За ужином Тася спросила, можно ли завтра не идти в сад. Я автоматически начала объяснять, что мне нужно на работу, и услышала, как в ее вопросе появляется упрямство.

— Я не хочу завтра.

— Что-то случилось?

Она пожала плечами.

— Кто-нибудь обидел?

— Нет.

Я отложила вилку. Хотелось получить конкретную причину, с которой можно что-нибудь сделать: поговорить с воспитательницей, принести другую сменную обувь, объяснить про игрушку. Тася молчала и размазывала картофель по тарелке.

— Ты устала? — спросила я.

Она кивнула.

— Я тоже. Давай сегодня после ужина ничего не будем строить. Почитаем и ляжем пораньше.

— А работа?

— На сегодня закончилась.

Тася посмотрела на сумку, из которой торчал блокнот. Я перенесла ее в прихожую.

Дочь ела медленно, потом попросила помочь снять резинку с волос. Я села за ее спиной, стала распутывать прядь. Впервые за день мы обе никуда не собирались. За окном проехала машина с громкой музыкой, на кухне щелкнул холодильник.

— У тебя там есть подружка? — спросила она.

— На работе?

— Угу.

— Есть Светлана. Мы давно знакомы.

— А стулья?

— И стулья есть.

— Маленькие?

Я улыбнулась, поняв, что она представляет мое новое место похожим на сад.

— Большие. И стол. И компьютер.

— А шкафчик?

— Вешалка для куртки.

Она подумала.

— Тебе плохо без шкафчика.

— Пока справляюсь.

Мы посмеялись. Я сняла резинку, провела ладонью по ее волосам. Тася прижалась спиной к моему животу.

— Ты точно завтра придешь?

Теперь вопрос прозвучал совсем иначе.

— Приду. После полдника, как договорились.

— Даже если у тебя работа?

Я обняла ее, не торопясь отвечать красивыми словами о том, что она самое главное. Ей нужно было знать время, а мне — действительно вернуться в это время.

— У меня будет работа до половины четвертого. Потом поеду за тобой.

Дочь кивнула. Мы легли с книгой на диван. Я дважды прочитала одну страницу, потому что мысли уплывали к таблицам, и Тася сердито поправила меня. Я извинилась и начала сначала.

Ночью блокнот так и остался в сумке. Я собиралась только посмотреть записи перед сном, но уснула, едва выключив свет.

На следующий вечер мужчина встретился нам во дворе. Сидел на краю скамьи с телефоном в руке. Рядом стоял пакет из продуктового магазина, из него выглядывал длинный батон.

Тася узнала его первой.

— Вы картину нашли?

Он поднял голову.

— Нашел. В коробке с надписью «Обувь».

Дочь удовлетворенно кивнула: видимо, сочла свою мысль о подписях подтвержденной.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Здравствуйте. Я, кстати, Илья. Живу этажом выше. Недавно переехал.

— Надежда. А это Тася.

— Знаю, — сказал он и сразу уточнил: — Вы вчера ее так звали.

Тася поставила на скамью пакет с бумажными заготовками. Мы вышли ненадолго: дома было душно, а дочь захотела порисовать на улице. Она достала зеленый карандаш, но белый лист улетел под лавочку. Илья наклонился, поднял его и передал мне.

— Спасибо.

— Вы тут давно живете?

— Пять лет.

— Тогда скажите, это всегда по вторникам во дворе разгружают что-то громкое с шести утра или я удачно выбрал время для переезда?

Я объяснила, где разгружается соседний магазин и какие окна лучше закрывать. Он слушал серьезно, будто я давала важную профессиональную консультацию.

— А вы чем занимаетесь? — спросила я.

— Технической службой на производстве. В основном делаю так, чтобы люди не узнавали, сколько всего может сломаться за один день.

— Получается?

— Иногда даже до обеда.

Я засмеялась. Тася оторвалась от листа и недовольно посмотрела на нас.

— Не качайте скамейку.

Мы оба замерли. На несколько секунд стало так тихо, что я слышала, как царапает бумагу карандаш.

— А вы? — спросил Илья, когда Тася разрешила нам снова двигаться.

Я привычно начала отвечать, что сижу с ребенком. Оставилась.

— Сметчик. Недавно вернулась к работе.

— Тяжело после перерыва?

— Я вчера поняла, что за годы моего отсутствия все программы успели переехать в другие квартиры и не оставили адреса.

— Кнопки переставили?

— Все самые нужные.

— Они каждый раз так делают. Чтобы мы не расслаблялись.

Он не предложил немедленно все настроить и не начал объяснять мою профессию. Спросил, удалось ли сегодня найти нужное. Я рассказала про список версий и слышала себя со стороны: я говорила о работе живо, даже с удовольствием, хотя утром считала себя самой медленной женщиной в офисе.

Илья слушал, не заглядывая в телефон. Я заметила, что у него теплые карие глаза, а волосы у висков чуть светлее. На

левой руке кольца не было. Мне стало неловко, что я обратила внимание, и я повернулась к Тасе.

Она вырезала домик слишком близко к нарисованной двери.

— Мам, держи.

Я взяла лист. Илья поднялся.

— Не буду мешать строительству. Приятно познакомиться.

— Взаимно.

Он ушел к подъезду, не задерживая нас лишними словами. Батон торчал из пакета под странным углом. Я почему-то смотрела ему вслед, пока дверь не закрылась.

— У нас клей закончился, — сказала Тася.

Я опустила глаза на ее руки.

— Значит, дома возьмем другой.

В ту неделю я научилась собираться с вечера. Не потому, что внезапно стала организованной, а потому, что однажды утром обнаружила в сумке Тасину сменную одежду вместо своей папки.

Мы сидели на кухне, каждая со своим делом. Дочь рисовала окна, я сравнивала два списка материалов. Телефон лежал экраном вниз. Когда он завибрировал, я не сразу его перевернула, и это само по себе показалось странным: последние дни я хваталась за него при любом звуке.

Саша спрашивал, можно ли в субботу забрать оставшиеся вещи.

Мы договорились на десять. Тася в это время должна была пойти с Зоей Павловной в парк. Свекровь предложила прогулку сама. Я уточнила время, место встречи и то, что заберу дочь у нее после обеда. На секунду стало обидно: с бабушкой все получилось согласовать за три сообщения.

В пятницу Светлана попросила меня зайти перед уходом. Я принесла таблицу, ожидая замечаний к оформлению. Она пролистала ее и ткнула пальцем в один из пунктов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.